

1902 г.

1 АВГУСТА.

№ 15.

ИЗВѢСТІЯ ПО С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ официальный: Высочайшая награда.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Списокъ воспитанниковъ С.-Петербургской духовной Семинаріи.

Отдѣлъ неофициальный: Замѣтки для себя по миссіонерскому дѣлу. (Окончаніе). — Отецъ діаконъ. — Открытіе Никольскаго Общества Трезвости въ посадѣ Колпино, Спб. губ. — Некрологъ. — Домбрь. Голось сердца. (Приложеніе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

ИЗВѢСТІЯ

по С.-Петербургской Епархіи,

издаваемыя при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ въ 6 день мая сего 1902 г., пожаловать бывшаго учителя Жерноковскаго начальнаго народнаго училища, Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, нынѣ діакона Успенской Островской церкви, Новоладожскаго уѣзда, Теодора Галанина, за труды по народному образованію, серебряною медалью съ подписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перечислена Черновская Троицкая церковь Гдовскаго уѣзда, изъ 1-го Ямбургскаго во 2-й Гдовскій благочиннической округъ, 9 іюля.

Возстановлено приходское Попечительство при Смердовской церкви, Лужскаго уѣзда, и утвержденъ составъ членовъ онаго на трехлѣтіе (съ 1902 г.), подъ предсѣдательствомъ священника названной церкви Василя Румянцева, 9 іюля.

Опредѣлены: на священническую вакансію къ Скорбященской церкви при больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, Петербургскаго уѣзда, священникъ церкви психіатрическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Николаевскаго военного госпиталя Александръ **Сергіевскій**, 10 іюля; на діаконскую вакансію къ Прибужской церкви, Гдовскаго уѣзда, учитель Порѣчской церковно-приходской школы, того же уѣзда, Александръ **Ивановъ** согласно прошенію, 9 іюля; и. д. псаломщика къ Павловской Воскресенской церкви, Гдовскаго уѣзда, бывшій воспитанникъ С.-Петербургскаго Александро-Невскаго духовнаго училища Евгений **Миролюбовъ**, согласно прошенію, 10 іюля.

Перемѣщенъ на священническую вакансію къ Лосицкой церкви, Гдовскаго уѣзда, священникъ Бѣльской церкви, того же уѣзда, Александръ **Охонскій**, согласно прошенію, 18 іюля.

Уволены отъ должности: помощника благочиннаго 2 Лужскаго округа священникъ Горской Знаменской церкви Димитрій **Быстровъ**, согласно прошенію 19 іюля; псаломщикъ Николаевской церкви въ г. Ниццѣ, Николай **Черняковъ**, согласно прошенію, 11 іюля.

За смертію, исключается изъ списковъ законоучитель Военно-Павловскаго училища, въ г. С.-Петербургѣ, протоіерей Александръ **Вознесенскій**, съ 6 іюля.

Назначенъ исправляющимъ должность помощника благочиннаго 2-го Лужскаго округа священникъ Воскресенской церкви Петровскаго погоста, Лужскаго уѣзда, Никита **Моревъ**, 11 іюля.

Уволены въ отпускъ: священникъ Кобылье - Городищенской церкви, Гдовскаго уѣзда, Никандръ **Беллавинъ**, съ 23 іюля по 4 августа; священникъ Сергіевской Новосивковской церкви, въ г. Петербургѣ Василий **Соболевъ**, съ 22 іюля по 15 августа; священникъ Петропавловской церкви въ Лѣсномъ, Іоаннъ **Рождественскій**, съ 9 по 13 іюля; священникъ Илюченской церкви, Новолодожскаго уѣзда, Николай **Ушаковъ**, съ 9 іюля по 9 августа; протоіерей С.-Петербургской Вознесенской церкви Василий **Михайловскій**, съ 16 іюля по 10 сентября, священникъ С.-Петербургской Борисоглѣбской церкви Александръ **Красовъ**, съ 23 іюля по 23 сентября, священникъ церкви при Александровскомъ дѣтскомъ пріютѣ, въ г. Петербургѣ, Алексій **Мещерскій** съ 16 іюля по 1 сентября, псаломщикъ Екатерининской Васильеостровской

церкви, въ г. Петербургѣ, Василій Орловъ съ 16 іюля по 1 сентября, протоіерей церкви при Домѣ Призрѣнія Тименкова-Фролова, въ г. С.-Петербургѣ, Алексѣй Малининъ съ 26 іюля по 27 августа, священникъ С.-Петербургской Владимірской церкви Алексѣй Тихонравовъ съ 28 іюля по 10 августа.

Продолженъ срокъ отпуска псаломщику Благовѣщенской Васильеостровской церкви, въ г. С.-Петербургѣ, Александру Иванову до 10 августа.

Утверждены въ должности старостъ: крестьянинъ Ѳеодоръ Іоанновъ Черновъ — къ Спасо-Парголовской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, на 1-е трехлѣтіе; крестьянинъ Иванъ Варламовъ — къ Черенцевской Рождество-Богородицкой церкви, Новоладожскаго уѣзда, на 2-е трехлѣтіе; Новоладожскій 2 гильдіи купецъ Петръ Васильевъ Козловъ — къ Новоладожскому Николаевскому собору, на 3-е трехлѣтіе; и крестьянинъ Димитрій Евфимовъ Пантелеевъ — къ село-Лукинской Успенской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, на 2-е трехлѣтіе, 9 іюля; къ Богоявленской церкви, что на Гутуевскомъ островѣ, Нарвскій купецъ Петръ Леонтьевъ Журавлевъ, на 2-е трехлѣтіе, 10 іюля; къ Никольской, приписной къ Нарвской Знаменской церкви, Нарвскій мѣщанинъ Мартинъ Ивановъ Мягги, на 1-е трехлѣтіе, 10 іюля; къ Креницкой Петропавловской церкви, Новоладожскаго уѣзда, Новоладожскій мѣщанинъ Василій Константиновъ Григорьевъ на 2 трехлѣтіе, и къ С.-Петербургской Чернорѣченской Николаевской церкви потомственный почетный гражданинъ Александръ Ивановъ Новинскій на 1-е трехлѣтіе, 10 іюля; къ церкви села Рождествена, Царскосельскаго уѣзда, Гатчинскій мѣщанинъ Ѳеодоръ Флоровъ Сидоровъ на 3-е трехлѣтіе, 10 іюля; къ Пчевской Преображенской церкви, Новоладожскаго уѣзда, крестьянинъ Димитрій Ѳеодоровъ на 9-е трехлѣтіе, и къ Новопятницкой Михайловской церкви, Ямбургскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Ильинъ на 2-е трехлѣтіе, 24 іюля; къ Запольской Георгіевской церкви, Лужскаго уѣзда, временный 2-й гильдіи купецъ Стефанъ Филипповъ Хазовъ, на 3-е трехлѣтіе, 24 іюля.

Уволены отъ должности старостъ церкви села Мартышкина, Петергофскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ Ивановъ Лисицынъ, согласно прошенію его, 24 іюля; Николаевской церкви села Рли, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Евграфъ Павловъ, 16 іюля.

С.-Петербургская Духовная Консисто́рія, симъ объявляетъ духовенству епархіальныхъ приходскихъ соборовъ и церквей г. С.-Петербурга, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено произвести въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы — 1 октября текущаго года въ помянутыхъ соборахъ и церквахъ кружечный сборъ пожертвованій въ пользу „дома трудолюбія“ на островѣ Сахалинѣ, Юля 19 дня 1902 г.

С.-Петербургская Духовная Консисто́рія симъ объявляетъ духовенству епархіальныхъ соборовъ и церквей г. С.-Петербурга, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено произвести въ помянутыхъ соборахъ и церквахъ въ настоящемъ году, въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня 14 сентября за литургіями и наканунѣ за всенощнымъ бдѣніемъ, тарелочный сборъ въ пользу санаторій при обществѣ русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, для больныхъ, страдающихъ бугорчаткою дыхательныхъ органовъ. Юля 19 дня 1902 года.

Списокъ воспитанниковъ С.-Петербургской духовной Семинаріи, составленный Правленіемъ Семинаріи въ апрѣлѣ и маѣ 1802 года.

Окончили курсъ Семинаріи: Разрядъ 1-й: Трипольскій Иванъ, Заборовскій Иванъ, Бойко Павель, Каменскій Михаилъ, 5. Павловъ Павель, Антиповъ Александръ, Желобовскій Николай, Литвинъ Иванъ, Сердюкъ Владиміръ, 10. Чубаровъ Петръ, Троицкій Константинъ, Окуловъ Николай, Кубецкій Алексѣй, Зотиковъ Димитрій, 15. Боротинскій Андрей, Сацердотскій Сергѣй.

Разрядъ 2-й: Савинъ Александръ, Петровъ Алексѣй, Аникинъ Александръ, 20. Томилинь Константинъ, Никольскій Василій, Бриллиантовъ Василій, Аристотелевъ Александръ, Гусевъ Николай, 25. Каменевъ Константинъ, Смирновъ Александръ, Тихомировъ Алексѣй, Силинь Петръ, Любомировъ Николай, 30. Рождественскій Николай, Приморскій Александръ, Чичинадзе Сеить, Ласкѣевъ Александръ.

Внѣ разряда: Деневъ Василій (болг.), Поповичъ Николай (сербъ), Репо Козьма (финл.).

Переведены въ VI классъ а) изъ класса V штатнаго: Разрядъ 1-й: Гурьевъ Борисъ, Заклинскій Николай, Башовичъ Милованъ черног., Флеровъ Владиміръ, 5. Кочубеевъ Димитрій, Никологорскій Алексѣй, Левицкій Иванъ, Вареоломеевъ Христофоръ.

Разрядъ 2-й: Посинъ Сергѣй, 10. Лехновскій Николай, Любомировъ Георгій, Румянцевъ Александръ, Родосскій Стефанъ, Слопцовъ Петръ, 15. Воробьевъ Веніаминъ, Лавровъ Александръ, Яковлевъ Евгений, Смирновъ Николай, Листовъ Константинъ, 20. Лавровъ Владиміръ, Дмитріевъ Владиміръ, Лѣсковъ Василій, Чайкинъ Анатолій, Бѣляевъ Иванъ, 25. Ильинскій Ѳедоръ, Лебедевъ Александръ, Васильевъ Алексѣй, Дмитріевъ Иванъ, Никольскій Викторъ, 30. Христовъ Николай, болг.

б) изъ V паралл. класса: Разрядъ 1-й: Слупскій Платонъ, Вознесенскій Яковъ, Горскій Глѣбъ, Рождественскій Алексѣй, 5. Гостинопольскій Николай.

Разрядъ 2-й: Крюковъ Николай, Орловъ Петръ, Граціановъ Сергѣй, Каменевъ Александръ, Спб., 10. Кашеваровъ Лаврентій, Розановъ Владиміръ, Лавровъ Павлинъ, Крыловъ Алексѣй, Каменевъ Александръ Ямб., 15. Владиміровъ Николай, Вишняковъ Иванъ шлосс., Николаевскій Михаилъ, Владиміровъ Димитрій, Румянцевъ Александръ, 20. Преображенскій Георгій, Вишняковъ Иванъ гдовск., Ивановъ Павелъ, Молчановъ Николай, Бѣляевъ Николай, 25. Лебедевъ Сергѣй, Новоселовъ Василій, Филомаѳитскій Иванъ и Леонтьевъ Ѳедоръ діак.

Переведены въ V-й классъ а) изъ IV штатнаго класса: Разрядъ 1-й: Хильтовъ Викторъ, Эльтековъ Михаилъ.

Разрядъ 2-й: Смирновъ Владиміръ, Воскобойниковъ Василій, 5. Корниловъ Петръ, Поспѣловъ Михаилъ, Лаврентьевъ Андрей, Карпинъ Александръ, Кудиновъ Стефанъ, 10. Дамаскинскій Михаилъ, Тарачковъ Николай, Чистяковъ Алексѣй, Голубовъ Анатолій, Увѣровъ Александръ, 15. Пономаревъ Петръ, Бородкинъ Иванъ, Вишневскій Павелъ, Егоровъ Константинъ, Пашскій Петръ, 20. Свѣтлосановъ Николай, Успенскій Иванъ, Ушаковъ Наркиссъ, Шишовъ Александръ, 25. Георгіадисъ Иванъ грекъ.

б) Изъ IV параллельнаго класса: Разрядъ 1-й: Гурьевъ Николай, Лукьяновъ Владиміръ, Куженскій Николай, Ивановъ Николай болг., 5. Преображенскій Сергѣй.

Разрядъ 2-й: Орловъ Георгій, Маловъ Валентинъ, Скрелинъ Михаилъ, Пѣвцовъ Владиміръ, 10. Наддачинъ Викторъ, Лавровъ Леонидъ, Тихомировъ Александръ, Флеровъ Евгений, Земляничинъ Андрей, 15. Егоровъ Владиміръ, Землянскій Павелъ, Воиновъ Василій, Бобковскій Михаилъ, 19. Вукайловичъ Миланъ.

Переведены въ IV классъ: Разрядъ 1-й: Меденица Мирко черног., Бѣльскій Валеріанъ, Анастасіадисъ Харлампій грекъ, Кулигинъ Иванъ, 5. Заборовскій Евгений, Козловъ Дмитрій.

Разрядъ 2-й: Гавриловъ Петръ, Каменскій Василій, Черновицкій Павелъ, 10. Иродіоновъ Владиміръ, Бѣлавинъ Владиміръ, Ивановъ Евгений, Леонтьевъ Александръ, Дремяцкій Алексѣй, 15. Соколовъ Владиміръ, Соколовъ Василій, Тяжеловъ Николай, Устименко Федоръ, Боротинскій Евгений, 20. Боротинскій Николай, Кочубеевъ Александръ, Лебедевъ Петръ, Мансуровъ Михаилъ, Митропольскій Константинъ, 25. Рождественскій Николай, Талызинъ Иванъ, Егоровъ Александръ, Мануйловъ Николай, Новинскій Павелъ, 30. Одоевскій Иванъ, Соловьевъ Николай, Бобковскій Борисъ, Бобровскій Константинъ, Бѣляевъ Александръ, 35. Дмитріевъ Павелъ, Звѣревъ Кирилль, Знаменскій Николай, Романскій Николай, Сперанскій Сергѣй, 40. Стайколь Захарія болг., Талепоровскій Владиміръ, Тихомировъ Василій, Ушаковъ Владиміръ, Велицкій Владиміръ, 45. Ханланъ Иванъ.

5. Переведены въ III классъ: Разрядъ 1-й: Пантелѣевъ Евгений, Константиновъ Веніаминъ, Ершихинъ Николай, Раевскій Сергѣй, 5. Казанскій Григорій, Свѣтловъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Тихомировъ Василій, Флеровъ Сергѣй, Илларионъ монахъ (грекъ), 10. Успенскій Павелъ, Заборовскій Клавдій, Родосскій Андрей, Каменскій Константинъ, Черновицкій Иванъ, 15. Кедринскій Сергѣй, Макаровъ Алексѣй, Васильковъ Василій, Вознесенскій Василій, Космодемьяновскій Владиміръ, 20. Колосовъ Павелъ, Левитскій Василій, Листовъ Павелъ, Посунько Николай, Дамаскинскій Викторъ, 25. Хованскій Дмитрій, Наговскій Левъ, Студійскій Михаилъ, Георгіевскій Николай, Романскій Павелъ, 30. Хрусталевъ Александръ, Александровскій Владиміръ, Вихровъ Петръ, Тяжеловъ Михаилъ, Крохинъ Михаилъ, 35. Пржичъ Петръ сербъ, Боголюбовъ Яковъ, Бѣлавинъ Николай, Городецкій Аркадій, Заозерскій Николай, 40. Кисловъ Александръ,

Лазаревъ Константинъ, Розановъ Михайлъ, Шишовъ Василій, 44. Яценко Павелъ.

6. *Переведены во II классъ:* а) *изъ I штатнаго класса:* Разрядъ 1-й: Александровъ Константинъ.

Разрядъ 2-й: Донченко Михайлъ, Вознесенскій Павелъ, Лебедевъ Александръ, 5. Аннусъ Иванъ, Давыдовъ Николай, Долотовъ Сергѣй, Вершинскій Владиміръ, Близнецкій Сергѣй, 10. Гривцовъ Николай, Громовъ Борисъ, Лебединскій Александръ, Леохновскій Владиміръ, Тополевъ Николай, 15. Никольскій Николай, Пустынскій Димитрій, Михайловъ Михайлъ, Боротинскій Милій, Ивановъ Сергѣй, 20. Катусъ Павелъ, Любомировъ Василій, Любомировъ Леонидъ, Петровъ Иванъ, 25. Солодовниковъ Николай.

б) *Изъ I парал. класса:* Разрядъ 1-й: Добронравовъ Леонидъ.

Разрядъ 2-й: Эльтековъ Анатолій, Орловъ Александръ Пск., Кашинъ Захарія, 5. Орловъ Александръ Спб., Вылегжанинъ Иванъ, Быстровъ Борисъ, Становой Петръ, Наговскій Николай, 10. Башкировъ Павелъ, Беневоленскій Александръ, Вихровъ Павелъ, Судаковъ Николай, Щегловъ Петръ, 15. Свѣтловъ Александръ, Малининъ Сергѣй, Яковлевъ Василій, Молчановъ Петръ, Болотовъ Василій, 20. Вукомановичъ Радомиръ сербъ, Дубецкій Александръ, Каменевъ Анатолій, Каменевъ Владиміръ, Красногѣвковъ Петръ, 25. Митрофановъ Василій, Молчановъ Николай, Парвицкій Михайлъ, Ушаковъ Борисъ.

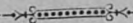
7. *Имѣютъ сдать перекзаменовки:* V кл. Веніаминовъ Александръ—по Св. Писанію, IV кл. шт. Борисоглѣбскій Гурій и Смирницкій Константинъ—по сочиненію, Гречаниновъ Димитрій—по Психологіи и сочиненію, Кадниковъ Иванъ, Успенскій Алексѣй и Львовъ Яковъ—по Психологіи, Молчановъ Михайлъ и Сыренскій Николай—по Психологіи, Философіи и сочиненію, Николаевскій Петръ—по Св. Писанію, Философіи и сочиненію; IV пар. кл.—Афанасьевъ Михайлъ, Боголюбовъ Сергѣй, Симо Петръ и Флеровъ Алексѣй—по Сочиненію, Симеоновскій Константинъ—по Психологіи и сочиненію; III кл. Дамаскинскій Иванъ—по Гражд. Исторіи, Охонскій Павелъ—по Св. Писанію и Логикѣ; II кл. Бѣльскій Ник.—по Словесности, Геометріи и сочиненію, Васильевъ Петръ, Малининъ Димитрій и Яковлевъ Николай—по сочиненію, Песоцкій Алексѣй—по Библ. Исторіи и

сочиненію, Полигнотовъ Евгеній—по Гражд. Исторіи и сочиненію; I шт. кл. Бѣлявинъ Александръ и Пономаревъ Александръ—по Гражд. Исторіи, Бушинъ Сергѣй и Спутниковъ Тимоѳей—по Алгебрѣ, Кудрявцевъ Александръ—по Латинск. яз., Смирновъ Григ.—по Св. Писанію; I пар. кл. Артемьевъ Ник.—по Слов. и Гражд. Исторіи, Кульдсаръ Мих.—по Гражд. Исторіи и Алгебрѣ, Лебедевъ Николай—по Греч. яз. и Алгебрѣ, Савинскій Конст.—по Св. Писанію, Смирновъ Алекс.—по Греч. языку.

8. *Имѣютъ сдать дополнительные экзамены:* IV кл. Яковлевъ—по Философіи, Грихановъ Алексѣй, Афанасьевъ Мих., Боголюбовъ Сергѣй и Заклинскій Анатолій—по Философіи и Психологіи, Симеоновскій Конст.—по Гомилетикѣ и Ц. Пѣнію; III кл. Богдановъ Алексѣй—по Словесности, Поспѣловъ Сергѣй—по Св. Писанію, Словесности, Гражд. Исторіи и Логикѣ; II кл. Виноградовъ Александръ—по Геометріи, Шакинъ Вас.—по сочиненію и Ц. Пѣнію.

9. *Оставляются на повторительный курсъ:* въ V кл.—Арсанисъ Исаакъ; въ III кл.—Ильинскій Алекс.; въ I кл.—Вострухинъ Никита, Горскій Николай, Лебедевъ Иванъ.

10. *Увольняются изъ семинаріи:* IV кл.—Ивановъ Георгій, Никаноровъ Ал. и Сперанскій Ник.—для поступленія въ другое учебное заведеніе; Кемецкій Василій, Красовскій Павелъ; III кл.—Бѣльковскій Евгеній и Петровъ Гавріиль; II кл.—Быстряковъ Евгеній и Паевскій Владиміръ.

Замѣтки для себя по миссіонерскому дѣлу.

(Окончаніе).

Расколь и сектантство—болѣзни на поверхности организма Церкви, и заботиться объ ихъ леченіи необходимо, такъ какъ болѣзнь, оставленная безъ ухода, усиливается и захватываетъ здоровыя части тѣла. Леченіе можетъ быть палліативное и профилактическое. Къ палліативному леченію относятся внѣшнемиссіонерскіе способы воздѣйствія на отпавшихъ и колеблющихся, распространеніе противосектантскихъ сочиненій, состязанія съ отпавшими и препятствіе отступнической пропагандѣ со стороны мірскихъ властей. Все это у насъ производится въ достаточной мѣрѣ, но при этомъ бросается въ глаза нѣкоторая разница въ полемическихъ пріемахъ съ такъ называемыми старообрядцами и сектами противообрядными. Въ полемикѣ съ старообрядцами православные миссіонеры вполне становятся на ихъ точку зрѣнія, то есть, доказываютъ ихъ неправоту на основаніи ихъ же старопечатныхъ книгъ, придаютъ ихъ Большому и Малому катихизису значеніе символическихъ книгъ, признаютъ за голосъ Церкви частныя мнѣнія, высказанныя тѣмъ или другимъ святымъ, приравниваютъ дисциплинарныя и обрядовыя постановленія, имѣвшія мѣстный и временный характеръ, непреложнымъ догматамъ Церкви. Эти уступки раскольническому несовершенному вѣросознанію были бы цѣлесообразны, если бы въ заключеніи бесѣды указывалась неправильность раскольнической точки зрѣнія на обряды, на вселенское преданіе, на каноны церковныя; но если это и бываетъ, то весьма рѣдко. Раскольники разстаются съ миссіонеромъ въ убѣжденіи, что ихъ точка зрѣнія на церковную

жизнь и вѣру неоспорима и теоретически признается Православіемъ, хотя практически нарушается. Иная позиція принимается миссіонерами при собесѣдованіяхъ съ сектами, отвергающими православную обрядность. Здѣсь слишкомъ рѣдко дѣлается попытка проникнуть въ психику сектанта, разыскать и оцѣнить ту частицу правды, которая часто скрывается и въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ. Кромѣ того, миссіонеры въ полемическомъ увлеченіи иногда преувеличиваютъ значеніе тѣхъ сторонъ церковной жизни, на которыя нападаютъ сектанты; напр., благочестивый и полезный, и гармонирующий съ настроеніемъ набожнаго христіанина обычай иконопочитанія возводятъ въ принудительный [и непреложный христіанскій законъ. Довольно для православнаго миссіонера стоять на той точкѣ зрѣнія на иконы и мощи, на какой стоялъ седьмой вселенскій соборъ. Относительно почитанія мощей не всегда выясняется, что главное основаніе для почитанія мощей заключается не въ нетлѣніи ихъ, а въ святой жизни тѣхъ, чьи останки чтутся, и въ явленіи при посредствѣ этихъ останковъ *Божіей* испѣляющей силы.

Говоря это, я отнюдь не имѣю въ виду порицать миссіонеровъ: на ихъ мѣстѣ я повелѣ бы дѣло хуже ихъ. Но я указываю на трудность ихъ дѣла. Трудность эта увеличивается отъ того, что къ положительному изложенію христіанскаго вѣроученія не вполне подготовлены ни сектанты, ни православные слушатели собесѣдованій. Если миссіонеръ будетъ стоять на почвѣ вселенскаго преданія, то не разъ онъ приведетъ въ смущеніе и православныхъ и вызоветъ ликующіе возгласы противниковъ, всегда готовыхъ кричать: „побѣдимомъ“. Уже не новость, что изучаемыя въ духовныхъ семинаріяхъ догматики нуждаются въ значительныхъ исправленіяхъ. При такомъ положеніи вещей и то, что успѣваютъ сдѣлать миссіонеры для просвѣтлѣнія заблуждающихся, слѣдуетъ отмѣчать съ благодарностію.

Но доселѣ мы говорили о палліативномъ леченіи отступничества, теперъ скажемъ о леченіи профилактическомъ, предупреждающемъ. Предупреждающее леченіе заключается въ изученіи и устраненіи причинъ, порождающихъ и поддерживающихъ отступленія отъ единства вѣры.

Однѣ изъ причинъ отступничества—внутреннія, кроющіяся въ строѣ и жизни Церкви, а другія—внѣшнія, заключающіяся во влияніи на членовъ Церкви русскихъ и иностранныхъ пропагандистовъ, въ матеріальной взаимной поддержкѣ раскольниковъ и сектантовъ, въ усиливающихъ ихъ преданность отступничеству стѣсненіяхъ со стороны гражданской и церковной власти, въ общечеловѣческой склонности къ новизнѣ, въ духовной гордости, въ привлекательности религіознаго экстаза, въ невѣжествѣ и т. п.

На причины второго рода не бездѣйствена остается та миссіонерская дѣятельность, о которой мы говорили выше; при Божіемъ благословеніи недавно возродившаяся церковная школа прояснить умъ народный. Но параллельно съ этимъ должно вносить обновленіе въ церковную жизнь православныхъ, то есть, устранять тѣ неладности, которыя поддерживаютъ и порождаютъ отступничество. Положительное содержаніе расколо-сектанства весьма скудно и односторонне, но отступничество питается отрицаніемъ. Почти на каждомъ собесѣдованіи противники Православія, почувствовавъ свою теоретическую несостоятельность, прибѣгаютъ къ обличеніямъ православной паствы и пастырей и указываютъ на недостатки нашего богослуженія и жизни. Не слышится ли въ этихъ укоризнахъ жалоба отступника: „врачу, исцѣлися самъ! я возвратился бы къ тебѣ, если бы былъ увѣренъ, что ты ходишь во истинѣ?“

Но мы здѣсь говоримъ не о личной нравственности, но объ устраненіи нѣкоторыхъ дефектовъ церковно-общественной жизни. Господь Иисусъ Христосъ въ теченіе своей земной жизни много вниманія проявилъ къ тѣлеснымъ нуждамъ народа: исцѣлялъ больныхъ и двукратно являлся кормильцемъ тысячъ слѣдовавшаго за Нимъ народа. „Милосердую о народѣ семъ“, нерѣдко говорилъ Онъ. Въ изображеніи страшнаго Суда Онъ показалъ, что дѣла милосердія—питаніе, одѣваніе бѣдныхъ, уходъ за больными, безкровными и узниками—есть прямое и необходимое, и великое служеніе Ему, Христу. Въ древней Церкви свято исполнялся завѣтъ Христовъ и для служенія бѣднымъ учреждено было діаконство. Нѣсколько позднѣе во времена вселенскихъ учителей. Церкви,

храмъ служилъ средоточіемъ цѣлаго ряда благотворительныхъ учреждений. Даже въ древней Руси около храма устроились хижины для помѣщенія убогихъ, братскія трапезы. А теперь около храма бѣдный можетъ упасть отъ голода или замерзнуть отъ холода, священникъ и левитъ, вмѣстѣ съ хранителемъ церковныхъ сокровищъ—старостой, пройдутъ мимо и скажутъ: „это не наше дѣло. Чего смотритъ полиція?“ Что же? Ужели законъ Христовъ перемѣнился? Ужели не на всѣхъ вѣка сказано: „дадите имъ ясти?“ Скажутъ: „не наша власть; на то есть инструкція церковнымъ старостамъ“. Но это не оправданіе: сама инструкція дозволяетъ употреблять церковныя свободныя средства на дѣла благотворительности. Кромѣ того есть возможность образовать попечительство или братство при каждомъ приходѣ. Пользуемся ли мы этой возможностью? Не насаждаются ли эти учреждения приказами свыше? Не искажаемъ ли мы идею попечительства, оставляя изъ всей программы ихъ только попеченіе „о благолѣпнѣ“ храма? Истинное благолѣпіе храма и прихода—это хорошо организованная помощь бѣднымъ. Для прикрытія своей лѣности и неподвижности мы ссылаемся на законъ, не позволяющій тратить церковныхъ суммъ на дѣла попечительства. Но вмѣсто того, чтобы стучать въ туго замкнутыя двери *человѣческихъ* законовъ, не лучше ли и не пора ли постучаться въ двери сердца человѣческаго? Вѣдь, стыдно сказать, но раскольники и сектанты лучше православныхъ понимаютъ свои обязанности къ бѣднымъ.

Само собою разумѣется, что душевныя немощи пасомыхъ должны обращать не меньше вниманіе пастыря, чѣмъ тѣлесныя нужды. И не только немощи цѣлаго прихода или цѣлаго разряда прихожанъ, но и немощи каждаго отдѣльнаго прихожанина. Пастухъ, пася стадо, зорко блюдетъ и каждую отдѣльную овцу, а небесный Пастырь разсказалъ ученикамъ чудную притчу о хожденіи пастуха по горамъ за единой заблудшей овечкой. По этому завѣту и поступали апостолы, напр. Іоаннъ Богословъ, въ старческомъ возрастѣ бѣгавшій за развратившимся юношей по горамъ, Павелъ, заботившійся объ участи бѣглаго раба Онисима. „Кто изнемогаетъ, восклицалъ этотъ апостоль, и я не изнемогаю?“

„Omnium et singulorum, писалъ Іоаннъ Златоустъ, qui curae tuae sunt commissi, tibi reddenda est ratio“ *).

Эта мысль объ особенномъ для нѣкоторыхъ прихожанъ душепопечительствѣ рѣдко принимается безъ возраженій. Спрашиваютъ: не довольно ли проповѣди, богослуженія и исповѣди? Но по разнымъ причинамъ не всѣ ходятъ въ храмъ; не всѣ изъ ходящихъ получаютъ дѣйствительное назиданіе отъ проповѣди; не всѣ исповѣдуются и не всѣ изъ исповѣдующихся раскрываютъ свою душу предъ духовникомъ.

Еще возражаютъ: развѣ возможно навязываться съ духовнымъ воздѣйствіемъ, ходить въ дома прихожанъ, допрашивать? Возможно, конечно, и это, но это и не потребуетъ. Русскій народъ во всѣхъ своихъ слояхъ одержимъ великой душевной жаждой; для утоленія этой жажды онъ проходитъ сотни и тысячи верстъ. Ужели прихожанинъ не подойдетъ съ своими запросами и немощами къ своему батюшкѣ, коль скоро почувствуетъ въ немъ душепопечителя? Ужели онъ не раскроетъ духовному отцу свою душу, когда увѣруетъ, что этому дорогъ каждый прихожанинъ безъ различія состоянія, пола и возраста? Опытъ жизни свидѣтельствуетъ, что къ душепопечительному іерею придуть не только ближніе, но и дальніе съ своими душевными запросами.

Но здѣсь является новая трудность: величина приходоу при многосложности пастырскихъ обязанностей. У священника иногда нѣсколько школъ, много переписки съ разными лицами и учрежденіями, подъ его наблюденіемъ находится церковное писмоводство; требы и хозяйство заполняютъ остатокъ свободнаго времени. Къ тому же надобно готовить проповѣди и путемъ чтенія книгъ держаться на уровнѣ богословскаго и общаго образованія.

Это возраженіе имѣетъ особенную силу, если въ приходѣ есть деревни, отдаленныя отъ храма. Ужели ихъ оставить безъ вниманія и посѣщать только при крайней необходимости? Ужели устраивать въ селахъ собесѣдованія и чтенія, а тѣхъ жителей деревень, которые имѣютъ рѣдкую возможность присутствовать въ храмѣ, оставить безъ пищи ду-

*) 34-я бес. на посл. къ Евреямъ. „Ты отвѣтственъ за всѣхъ и каждаго изъ вѣранныхъ твоему попеченію“.

ховной? Возраженіе это нельзя не признать справедливымъ. Приходы наши и по числу прихожанъ и по территоріальнымъ размѣрамъ часто превосходятъ греческія епархіи и митрополіи. Для правильной постановки пастырскаго дѣланія предстоить нужда въ открытіи множества самостоятельныхъ приходоу при отдаленныхъ отъ храма деревняхъ. И для открытія такихъ новыхъ приходоу законъ ставитъ трудности почти неодолимыя для крестьянскаго населенія: отводъ 33 десятинъ земли (почему бы не ограничиться 5-ю десятинами?), устройство храма не просто приличнаго и удобнаго, но и архитектурно-величественнаго, устройство домовъ и двороу для членоу причта. Самый отпускъ казеннаго лѣса на храмы лѣснымъ вѣдомствоу до крайности затрудняется и сокращается. Вслѣдствіе этого потребность православнаго населенія въ храмахъ еще далеко не удовлетворена и пастырь чувствуетъ себя подавленнымъ множествомъ невыполненныхъ обязанностей.

Все это такъ. Но пастырское душепопечительство объ отдѣльныхъ прихожанахъ не упраздняется трудностью его выполнения. Не можешь дѣлать всего, сдѣлай, что можешь. *Ultra posse nemo obligatur*, говорили завзятые латинисты до реформенной семинаріи.

Частное душепопечительство, какъ бы оно ни было хорошо установлено, конечно, никогда не замѣнитъ пастырскихъ дѣйствій, направленныхъ ко благу всего прихода или большей его части. Между такими дѣйствіями важнѣйшее—общецерковная молитва или богослуженіе. Если народъ есть паства, духовное стадо, то время богослуженія есть время духовнаго питанія. Какой богатый запасъ духовной пищи кроется въ сокровищницѣ церковной, въ ея октоихахъ, тріодяхъ и минеяхъ! Сколько чувства, сколько поэтическихъ красотъ скрыто въ ирмосахъ, стихирахъ, догматикахъ и тропаряхъ! Сколько трогательныхъ молитвъ вмѣщено въ служебникахъ, требникахъ, часословахъ и каноникахъ! Но отъ всего этого богатства только малыя крохи перепадаютъ духовно алчущему народу. Неудовлетворенныя въ этомъ отношеніи души легко будутъ искать удовлетворенія за оградой Христовой. Чего ищутъ въ штундѣ, хлыстовствѣ и другихъ сектахъ? Главнымъ

образомъ сознательнаго участія въ богослуженіи. Ищутъ того, что мы обязаны дать за страхъ и за совѣсть.

И даемъ. Но многое здѣсь подлежитъ исправленію и восполненію. Богослуженіе это — не форма, но жизнь и истина. Хотя и тѣло можетъ и должно принимать участіе въ общественной молитвѣ, но однимъ присутствіемъ при богослуженіи не достигается цѣль богослуженія — напитать душу христіанина: умъ — возвышенными представленіями о вѣчномъ, истинномъ и прекрасномъ, сердце — чувствами любви и благодарности къ Богу, волю — рѣшимостію слѣдовать за Христомъ въ жизни. Эта цѣль достигается не во всѣхъ участникахъ богослуженія и не въ достаточной степени. Отчего это? Слыхалъ я отвѣтъ: отъ народнаго невѣжества. Но развѣ во времена Златоуста и Амвросія народъ былъ образованнѣе, развитѣе теперешняго? Недавно въ кафедральномъ соборѣ я участвовалъ въ торжественномъ епископскомъ богослуженіи и чувствовалъ, что церковно-молитвенная связь здѣсь еще слабѣе, чѣмъ въ нашемъ захолюстѣ. Здѣсь были образованные посѣтители, преподаватели средне-учебныхъ заведеній, здѣсь была публика, внимательно смотрѣвшая, слѣдившая за дьяконскимъ громогласіемъ и хоровымъ исполненіемъ „Милости мира“, но не было общины, объединенной во Христа.

Вопросъ о богослуженіи — великій и не моему уму его рѣшить. Довольно, если я укажу только немногія и при томъ не главныя стороны его.

Когда я думаю о маломъ воздѣйствіи богослуженія на молящихся, мнѣ всегда припоминается патріархъ Никонъ съ его неудавшеюся реформою богослуженія. Называю реформу неудавшеюся потому, что она была остановлена на полномъ ходу ея и не имѣла продолженія. Богослуженіе не есть только неизмѣнная форма, но дѣло живое, развивающееся, измѣняющееся, подлежащее усовершенствованію. Богослуженіе не есть древность мертвая въ родѣ растительной окаменѣлости, но оно есть растеніе, сѣмя котораго посѣяно самимъ Спасителемъ. Какъ догматика, какъ проповѣдничество, богослуженіе должно имѣть свою исторію; оно и имѣетъ ее, но съ послѣдней трети 17-го вѣка мы имѣемъ не исторію органическаго роста богослуженія, но исторію

задержекъ этого роста. Богослуженіе стало подобно растенію, лишенному свѣта и влаги. Правда въ богослуженіи и съ 17-го вѣка происходили измѣненія, но измѣненія эти носятъ характеръ случайный и дробный и весьма мало содѣйствуютъ сознательному участию прихода въ богослуженіи. Таково, напримѣръ, умноженіе акаѳистовъ съ однообразными, иногда преувеличенными восхваленіями святыхъ, изложенными безъ внутренней связи и послѣдовательности. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ акаѳисты до печатанія проходили болѣе строгую цензуру, чѣмъ нынѣ. Поэтому достоинство акаѳистовъ находится въ обратномъ отношеніи къ новизнѣ ихъ составленія.

Какъ въ миссіонерской полемикѣ съ раскольниками православные часто принимаютъ раскольническую точку зрѣнія, такъ и въ богослужебной практикѣ возобладала со временъ Никона старообрядческая точка зрѣнія: мы боимся измѣненія буквы и легко жертвуемъ для буквы духомъ. Богослужебный языкъ нашъ сдѣлался мало понятенъ не только для прихожанъ, но и для клириковъ. Кромѣ того, въ каждой богослужебной книгѣ много неправильностей, какъ въ разстановкѣ знаковъ и словъ, такъ и въ цѣлыхъ выраженіяхъ.

Возьмемъ, напр., псалтирь. Это — самонужнѣйшая богослужебная книга, и въ ней болѣе всего неправильныхъ и темныхъ выраженій. Напр., въ 1-мъ псалмѣ сказано: не воскреснутъ грѣшніи на судъ, вмѣсто не устоятъ грѣшніи на судѣ. Въ псалмѣ 21-мъ, ст. 3 читаемъ: воззову въ нощи, и не въ безуміе мнѣ, вмѣсто: и нѣтъ мнѣ успокоенія. Общеизвѣстно, какъ неправильно многими даже священнослужителями доселѣ неправильно понимается псаломское выраженіе: „ложь конь во спасеніе“, — и вина недоразумѣнія лежитъ въ неправильной разстановкѣ словъ. Неправильныя выраженія встрѣчаются даже въ распространенномъ въ русскомъ народѣ псалмѣ 90-мъ (ст. 6 и 10).

Въ каноникѣ встрѣчаются выраженія, которыя трудно понять даже при всемъ напряженіи вниманія: такова, напр., въ канонѣ ангелу хранителю пѣснь по 9-мъ ирмосѣ: „ума моего прегрѣшенія“ и въ канонѣ Іоанну Предтечѣ по

1-мъ ирмосѣ пѣснь: „въ рѣцѣ бездну“. Въ утреннихъ молитвахъ возбуждаетъ недоумѣніе выраженіе „напрасно (вмѣсто „внезапно“) Судія пріидеть“.

Въ Часословѣ на великомъ повечеріи въ молитвѣ Манассіи смущаетъ выраженіе: „непостоянно величество славы Его“. Неправильно также въ концѣ повечерія выраженіе: „рцемъ и о нихъ“, вмѣсто „рцемъ и о себѣ самѣхъ“.

Въ пѣсняхъ Октоиха встрѣчаются выраженія, неправильно согласованныя; во многихъ ирмосахъ (особенно двенадцатыхъ праздникохъ) смыслъ ихъ затрудняется соблюденіемъ разстановки словъ подлинника. Напримѣръ, ирмосъ 7-й пѣсни въ канонѣ апостоламъ начинается: „въ печи авраамстѣи отроцы персидстѣи“...

Даже молитвы Требника мало приспособлены къ потребностямъ нашего времени. Чинопослѣдованіе 40-й молитвы по Требнику совершается надъ некрещеными младенцами и тамъ испрашивается благодать крещенія, какъ нѣчто предстоящее младенцу, тогда какъ въ дѣйствительности младенцы почти всегда получаютъ крещеніе до 40-го дня. Въ чинѣ крещенія въ молитвѣ предъ муропомазаніемъ говорится о „вольныхъ“ грѣхахъ крещаемого; это не умѣстно при крещеніи младенца.

Въ Служебникѣ нѣтъ послѣдованія, такъ называемаго, всенощнаго бдѣнія. Но слѣдуетъ ли этимъ огорчаться? Чинопослѣдованіе *всенощнаго* бдѣнія въ настоящемъ его видѣ не вызываетъ недоумѣній только тамъ, гдѣ оно совершается (какъ, напр., на Аѳонѣ) дѣйствительно съ вечера до утра слѣдующаго дня. У насъ же оно совершается или между 5—9 часами вечера, или въ тѣ же часы утра. Въ первомъ случаѣ неумѣстны нѣкоторыя молитвы, чтомья іереемъ во время шестопсалмія; въ этихъ молитвахъ выражается благодареніе за покой той ночи, которая еще не наступала; іерей мыслить себя вставшимъ отъ ложа и молится о тѣхъ, которые еще предаются покою; при усиливающемся мракѣ священникъ возглашаетъ славу Тому, Кто показалъ свѣтъ, а діаконъ приглашаетъ вѣрующихъ къ утренней молитвѣ. Затѣмъ читается первый часъ, соотвѣтствующій 7-му утра. Противоположнаго рода неудобство испытывается при совершеніи и слушаніи всенощной въ утренніе часы. Священникъ

молится о наступающей (будто-бы) ночи, чтець просить Господа о проведеніи „вечера сего“ безъ грѣха, діаконъ приглашаетъ при полномъ утреннемъ свѣтѣ къ совершенію вечерней молитвы. Все это дѣлаетъ молитву формальной, а формальная молитва—великое зло; она есть мертвящее начало въ богослуженіи, гдѣ каждое слово, каждый возгласъ должны быть осмыслены и прочувствованы. Если нельзя совсѣмъ прекратить двухъ-трехъ-часовыя всенощныя, то необходимо составить два разныхъ чинопослѣдованій для всенощныхъ, совершаемыхъ вечеромъ и утромъ.

Всѣ предлагаемыя замѣчанія ведутъ не къ передѣлкѣ и не къ новшествамъ, но скорѣе къ сохраненію того богатаго наслѣдства, которое получено нами отъ предковъ по вѣрѣ.

Клирикъ Р. Е.

Отець діаконъ.

(Приходскіе разговоры).

Въ одномъ купеческомъ домѣ губернскаго города былъ поминальный обѣдъ. Скончалась одна почтенная старушка, имѣвшая много родственниковъ. На поминкахъ собралось пять священниковъ и нѣсколько діаконъ, а между родственниками было три церковныхъ старосты. Разговоръ шель церковный.

— Нашли-ли вы дьякона-то? спрашивалъ одинъ церковный староста другого, прибывшаго изъ сосѣдняго уѣзднаго города.

— Найти-то нашли и выбрали. Всѣмъ понравился: голосъ такой, что и у васъ такого-то дьякона поищешь. Да Владыка-то хочетъ не нашего кандидата, а какого-то учителя къ намъ опредѣлить. Видѣли мы и учителя: голосокъ такъ себѣ — басикъ легонькій. Нашему кандидату далеко не родня. Еще верха беретъ и то и се, ну а низа ничего нѣтъ. Середка тоже слабовата. Да и собой

невидный. Какъ если этого учителя Владыка къ намъ опредѣлить, такъ хоть всѣ стихари перешивай. Потому покойный о. діаконъ былъ росту высокаго и собой корпусный, а этотъ учитель гораздо пониже, да и сухопарый такой. Больно хочется намъ своего кандидата. Опять хотимъ идти ко Владыкѣ. Такого кандидата рѣдко можно подыскать. Всѣмъ взялъ. Верха беретъ такъ, что духъ захватываетъ. Какъ выключку дѣлалъ (многолѣтіе), такъ регентъ нашъ говорилъ, что выше этого ужъ и ноты нѣтъ. Ну и собой взялъ — и ростомъ, и въ плечахъ, и выходка солидная. Видный дяконъ. Всѣмъ очень понравился.

Разговоръ объ о.о. діаконахъ завязался оживленный, но все только относительно діаконскаго громогласія. Говорили, у котораго дякона октава превосходная, кто верхнія ноты беретъ неподражаемо высоко, у кого середка (среднія ноты) крѣпкая. Между собесѣдниками оказались знатоки евангелія, но не въ смыслѣ знанія содержанія его, а въ смыслѣ трудности или легкости выключки разныхъ праздничныхъ евангелій. Говорили, что самое трудное евангеліе — Благовѣщенское, оканчивающееся словами: отъиде отъ нея ангель. Послѣдній слогъ „гелъ“ не даетъ діакону возможности во всей силѣ показать свой голосъ, потому что вполнѣ открытой гортанью произносится только звукъ „а“.

Наконецъ къ разговору о діаконахъ присоединился одинъ священникъ. — „Простите меня, господа, но я смущаюсь отъ вашихъ рѣчей. Вы говорите объ о.о. діаконахъ, точно о какихъ-то балаганныхъ артистахъ, а не служителяхъ алтаря Христова. Будто только и требуется отъ діакона одна выключка, да выходка. Почитайте-ка въ Дѣянїяхъ апостольскихъ, какъ св. апостолы выбирали самыхъ первыхъ діаконѡвъ. „Выберите, говорилъ

Апостоль Петръ, выберите, братія, изъ среды себя мужей извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на эту службу. И избрали Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго“ и прочихъ. „Ихъ поставили предъ Апостолами и они возложили на нихъ руки. И слово Божіе расло. А Стефанъ, исполненный вѣры и силы, совершалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ“. Такъ былъ избранъ и таковъ былъ св. первомученикъ архидіаконъ Стефанъ. Видите тутъ ни слова не сказано объ его голосѣ и наружности. Въ житіяхъ святыхъ говорится о весьма многихъ діаконахъ, прославившихся святостію жизни и совѣмъ не упоминается объ ихъ голосахъ.

— Ахъ, батюшка! захотѣли вы сравнивать нынѣшнія времена съ древними.

— Какъ же не сравнивать? Вѣдь Церковь и теперь та же святая и Апостольская. Да и посудите вы сами. Вотъ вы зовете діакона отцомъ, говорите: отецъ діаконъ. Но за что же его такъ звать, когда онъ только выключку дѣлаетъ, да голосомъ своимъ утѣшаетъ васъ. Нѣтъ, онъ отецъ вашъ духовный тогда, когда Онъ усердный молитвенникъ за васъ и мудрый совѣтникъ въ духовныхъ нуждахъ вашихъ. Поэтому и первое качество діакона есть его благочестіе, усердіе къ молитвѣ, знаніе Слова Божія.

— Однако же, батюшка, голосъ у о. діакона — первое дѣло. Ну какая же будетъ служба, если діаконъ безголосый! Вонъ бывало въ Т—ой церкви священникъ былъ тихогласный, а у дьякона голосъ какой-то дикарь. Такъ вѣдь хоть не ходи въ храмъ Божій.

— Но и отъ громогласныхъ-то чтецовъ и пѣвцовъ тоже иной разъ хоть бѣги изъ церкви. Вотъ псаломщикъ вышелъ читать апостоль и забирается на такія

высокія ноты, что того гляди у него горло не выдержитъ. Затѣмъ о. діаконъ выходитъ читать евангеліе и опять та же игра голосомъ, выкрикиваніе. Что это такое, какъ не кощунство, поруганіе Слова Божія? И кому же пріятно слушать эти выкрички? Развѣ тому только, кто забылъ, что стоитъ въ храмѣ Божіемъ и слушаетъ ученіе Христово. Я не говорю, что діаконовъ нужно выбирать безголосыхъ. Безголосые люди встрѣчаются рѣдко. Все же какой-нибудь голосъ есть. На моей родинѣ былъ о. діаконъ. Я помню его, когда уже онъ былъ старичкомъ. Голосокъ у него самый посредственный и почти слабый, но намъ нравился лучше всякаго громогласія. Онъ былъ человекъ добрый, простого сердца и хорошаго поведенія. Что-то родное и близкое сердцу было въ этомъ голосѣ. Вотъ тогда стали говорить, что въ сосѣднемъ селѣ у дьякона голосъ очень хорошъ. Приѣхали мы туда въ праздникъ. Вышелъ эктенію сказывать хвалений о. діаконъ. Голосъ дѣйствительно крупный. Но противъ нашего старичка намъ совсѣмъ не понравился. Хорошъ былъ голосъ у этого о. діакона, но въ немъ не было той доброй души, которая слышалась въ молитвахъ и возглашеніяхъ нашего старичка. Голосъ есть даръ Божій и мы не говоримъ, что слѣдуетъ пренебрегать имъ. Слава Богу, если кто одаренъ хорошимъ голосомъ. Но все же это есть достоинство только внѣшнее — тѣлесное. Голосъ только орудіе такъ сказать — инструментъ, которымъ дѣйствуетъ безсмертная душа. И если въ голосѣ не слышно благочестивой души, то это только мѣдъ звенящая, — не болѣе. Потому-то и св. Апостолы, когда выбирали первыхъ діаконовъ, то не пробовали у нихъ голоса, а избирали мужей, исполненныхъ вѣры и Духа Святаго. Вы сказали мнѣ, что нельзя сравнивать нынѣшнія времена съ временами древ-

ними. Но развѣ въ наше время не нужны діаконы, подобно архидакону Стефану, исполненные вѣры и Духа Святаго? Развѣ Церкви Божіей не нужны нынѣ служители ревностные, духомъ горящіе, Господеви работающіе? Вотъ нынѣ всѣ жалуется на оскудѣніе вѣры, на ослабленіе нравовъ. Такъ вѣдь? — Кто же будетъ охранять вѣру и поддерживать благочестіе? Одни священники? А оо. діаконы развѣ тутъ ни при чемъ? Развѣ ихъ дѣло только эктению сказать да евангеліе по всѣмъ тонамъ прочитатъ? Нѣтъ; ихъ первая и важнѣйшая обязанность быть сотрудиниками священниковъ въ охраненіи вѣры Христовой и въ утверженіи благочестія въ приходѣ. Я опять возвращусь къ св. архидакону Стефану. Церковь Божія тогда была въ гоненіи. Нѣкоторые изъ Апостоловъ претерпѣли уже отъ іудеевъ темничное заключеніе. Священники іудейскіе и фарисеи употребляли всѣ мѣры, чтобы уничтожить христіанство. Но вновь избранные Апостолами діаконы и особенно первый изъ нихъ Стефанъ оказали такую ревность и силу въ защитѣ Христова ученія, что даже многіе изъ гонителей увѣровали во Христа. И въ наше слабое вѣроу и благочестіемъ время какъ бы необходимо, чтобы отцы діаконы стояли на высотѣ своего святаго призванія, были бы ревностными проповѣдниками вѣры и благочестія, а не понижались до степени балаганныхъ артистовъ, потѣшающихъ публику своимъ громогласіемъ“.

Прот. *Феод. Успенскій.*

(„Приходская Жизнь“).

Открытіе Никольскаго Общества Трезвости въ посадѣ Колпино, Спб. губ.

(Корреспонденція).

7-го апрѣля въ п. Колпино произошло открытіе новаго Общества Трезвости — Никольскаго при Вознесенской церкви. Въ 7 час. вечера въ зданіи мѣстной мѣщанской управы собралось духовенство Колпина, мѣщанскій староста Сергѣевъ, нѣкоторые представители администраціи казенныхъ Ижорскихъ заводовъ и много жителей посада, такъ что довольно обширный залъ не вмѣстилъ всѣхъ желающихъ попасть сюда. Руководителемъ Общества, свящ. Н. Смирновымъ былъ отслуженъ молебенъ покровителю Общества, святителю Николаю Чудотворцу, и сказано слово, въ которомъ проповѣдникъ, указавъ на огромность зла отъ пьянства, приглашалъ всѣхъ выступить на борьбу съ этимъ зломъ, которое сильно лишь нашимъ равнодушіемъ къ добру и невнимательностью, и исчезнетъ при энергичномъ общемъ усилии. По окончаніи молебна, былъ прочитанъ указъ Спб. духовной консисторіи о разрѣшеніи открыть Общество и утвержденіи правилъ его; затѣмъ прочитаны самыя правила. Далѣе руководитель изложилъ краткую исторію возникновенія Общества, его организацію, цѣли и намѣренія, а также—въ чемъ оно ждетъ помощи со стороны колпинскаго населенія.

Потомъ сказалъ рѣчь студентъ спб. духовной академіи Потаповъ, состоящій членомъ кружка проповѣдниковъ при Вознесенской церкви. Основная мысль его рѣчи — необходимость общественной работы въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Трезвенникъ Александръ прочелъ приуроченные къ случаю стихи собственнаго сочиненія. Рѣчь и стихи про-

извели самое прекрасное впечатлѣніе на присутствующихъ. Во время перерывовъ пѣлъ хоръ трезвенниковъ подъ управленіемъ діакона Вознесенской церкви Г. Богомолова. Закончилось собраніе пѣніемъ гимна „Боже Царя храни!..“

Населеніе Колпина—преимущественно рабочіе на казенныхъ Ижорскихъ заводахъ. Пьянство развито очень сильно. Сами рабочіе это сознавали и многіе изъ нихъ до возникновенія Никольскаго общества ѣздили записываться въ Петербургъ въ Александро-Невское общество и на фабрику Варгуниныхъ.

Начало Никольскому обществу положено въ августѣ прошлаго года. Съ той поры было членовъ въ немъ болѣе 800; многимъ кончились сроки; въ настоящее время дѣйствительныхъ членовъ считается 400 съ небольшимъ. При Обществѣ устраивается библіотека, происходятъ по праздникамъ чтенія съ туманными картинами, которыя ведутъ студенты спб. духовной академіи, есть небольшой хоръ пѣвчихъ. Конечно, наладилось пока маленькое дѣло, — и средствами оно похвалиться не можетъ. Но устроители Общества надѣются, что съ Божіею помощію да дружными усиліями немногихъ, но сильныхъ любовью къ добру людей ихъ дѣло процвѣтетъ и не пройдетъ безслѣдно для колпинскаго населенія.

Некрологъ.

Протоіерей Александръ Ивановичъ Вознесенскій.

6-го сего іюля на дачѣ въ Дудергофѣ, близъ Краснаго Села скончался законоучитель Павловскаго военного училища Прот. Александръ Ивановичъ Вознесенскій. Почившій, сынъ діакона въ Вышгородѣ, родился

въ 1836 году, образованіе получилъ въ Виѣанской духовной семинаріи, гдѣ своими способностями и особенно выдающимся знаніемъ латинскаго языка обратилъ на себя вниманіе Митрополита Филарета, а затѣмъ въ Московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса, Александръ Ивановичъ нѣкоторое время занимался литературнымъ трудомъ, работая главнымъ образомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Каткова и только въ 71 г. вернулся въ духовное вѣдомство, будучи назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ Александро-Невское духовное училище. Въ слѣдующемъ 72 году онъ былъ рукоположенъ во священника къ Гатчинскому собору, гдѣ служилъ 19 лѣтъ и гдѣ въ 1890 году былъ назначенъ настоятелемъ собора. Въ продолженіе службы своей при Гатчинскомъ соборѣ онъ въ разное время состоялъ законоучителемъ въ Гатчинскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 1872 по 1879 г.), увѣщателемъ при Гатчинской тюрьмѣ (1873—1881 г.), преподавателемъ Закона Божія въ учебной командѣ 23-й артиллерійской бригады, при чемъ велъ религіозно-нравственныя собесѣдованія въ той же бригадѣ (1883—1891 г.), и, наконецъ, катихизаторомъ при соборѣ (въ 1873, 1876, 1879, 1882 и 1889 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по должности настоятеля Гатчинскаго собора, онъ за все время службы въ этой должности, состоялъ непремѣннымъ членомъ Комитета гатчинскаго благотворительнаго общества. Слабость здоровья однако вынудила Александра Ивановича оставить трудную службу приходскаго священника; въ 1991 году онъ перешелъ на должность законоучителя 2 кадетскаго корпуса, а въ 95 году назначенъ былъ законоучителемъ Павловскаго военнаго училища. За свою 32 лѣтнюю службу Александръ Ивановичъ имѣлъ орденъ св. Владимира 4 ст. и отъ прихожанъ Гатчины золотой съ драго-

цѣнными украшеніями наперсный крестъ. Послѣ него осталась многочисленная семья, изъ которой жена, сынъ, пять дочерей и старушка сестра находились на полномъ иждивеніи почившаго.

Александръ Ивановичъ былъ богато одаренъ талантами и отличался рѣдкимъ даромъ слова, за что былъ особенно любимъ прихожанами и своими учениками. Обладая богатымъ запасомъ богословскихъ и историческихъ свѣдѣній, онъ никогда не излагалъ предварительно на бумагѣ ни своихъ проповѣдей, ни лекцій. Рѣчь его лилась свободно и увлекала слушателей.

Отличительною чертою Александра Ивановича была его доброта и отзывчивость къ нуждамъ и интересамъ всѣхъ, кто къ нему обращался. Онъ соединялъ вокругъ себя многочисленныхъ родственниковъ, изъ которыхъ одни были имъ воспитаны, другіе при его содѣйствіи вышли въ люди, третьи пользовались отъ него болѣе или менѣе постоянными денежными пособіями. Не было у него отказа въ содѣйствіи, поддержкѣ, помощи и совершенно чужимъ для него людямъ. Находились и такіе, которые злоупотребляли добротою Александра Ивановича, однако онъ до конца остался идеалистомъ, готовымъ вѣрить и довѣряться каждому.

Да воздасть ему Господь за все добро, какое онъ сдѣлалъ здѣсь своимъ ближнимъ!

С. А. Т.

Редакторъ Священникъ *А. Рождественскій.*

Печатать разрѣшается. Спб. 28 июля 1902 г. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, домъ № 6.

Домбрь.

ГОЛОСЪ СЕРДЦА.

(Избранныя проповѣди. Переводъ съ французскаго).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 19-го іюля 1902 г.

Протоіерей Философъ Орнатскій.

Мытарь и крестъ.

Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику
(Лук. 18 гл., 13 ст.).

Вотъ покаянный вздохъ мытаря. Остановимъ, братіе, свое вниманіе сегодня на немъ и подумаемъ предъ крестомъ, который дастъ отвѣтъ на него. Черезъ это мы выставимъ зло предъ его уврачеваніемъ, скорбь предъ ея облегченіемъ. И пусть примиреніе, предлагаемое во святой пятокъ, будетъ не отвлеченною теоріею, а живою дѣйствительностію, всю силу и сладость которой наши души восчувствуютъ за святою трапезою.

I.

Боже, буди милостивъ мнѣ, грѣшнику!

Еслибы кто-нибудь попросилъ бѣднаго мытаря изложить ученіе о злѣ, о его происхожденіи и природѣ, то вѣроятно тотъ затруднился бы отвѣтить на эти ученые вопросы. Въмѣсто отвлеченнаго ученія о грѣхѣ онъ глубоко чувствуетъ его въ себѣ. Онъ знаетъ, что нарушилъ Законъ Божій, чувствуетъ себя осужденнымъ за это и, не извиняя своей вины, не смягчая ея,—испускаетъ вопль, который является въ одно и то же время—и признаніемъ собственной грѣховности, и мольбою о небесномъ милосердіи:—Боже, милостивъ буди ко мнѣ, грѣшнику!

Конечно, я не намѣренъ отговаривать васъ отъ разрѣшенія великаго вопроса о злѣ. Является-ли зло простымъ несовершенствомъ, ограниченностью, какъ это нѣкогда говорили, или же оно является преступленіемъ, безпорядкомъ? Отъ Бога или отъ человѣка оно происходитъ? Господствуетъ-ли оно только

въ нашемъ организмѣ, въ тѣлѣ, или же и въ волѣ? Является-ли оно дѣломъ только личности, или же цѣлаго рода? Эти важные вопросы мучили величайшихъ геніевъ, и сильное поколѣніе нашихъ отцовъ смѣло останавливалось надъ ихъ разрѣшеніемъ, но наше — повидимому боится ихъ. Оно желаетъ, чтобы христіанство было легко и для пониманія и для практическаго осуществленія. Эти великіе вопросы важнѣе высочайшихъ проблемъ науки и политики, не говоря уже о вопросахъ промышленности, биржи, искусства и мѣстныхъ происшествій, которые однако, повидимому, вполне удовлетворяютъ потребностямъ современнаго общества. Да, я смѣло заявляю, что чѣмъ болѣе вы будете углубляться въ рѣшеніе вопросовъ о злѣ, тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что единственно удовлетворительное разрѣшеніе ихъ дается въ христіанствѣ и кратко можетъ быть выражено такъ: зло — не несовершенство, а безпорядокъ; оно происходитъ не отъ Бога, а отъ человѣка, злоупотребляющаго своею свободою, и не является только случайною принадлежностью личности, но дѣломъ цѣлаго рода, результатомъ паденія всего человѣчества. Вотъ библейское рѣшеніе, хотя не достаточно ясно выраженное, но единственно удовлетворительное, единственно достойное и человѣка и Бога. Но, принимая такое ученіе о грѣхѣ христіанской философіи, мы должны еще и въ самихъ себѣ признать «личныхъ грѣшниковъ». Все человечество чрезъ грѣхопаденіе удалилось отъ Бога, а я лично поддерживаю это безумное возмущеніе; человечество погрязло во злѣ, а я самъ нахожусь въ рабскомъ подчиненіи плоти и грѣху. Такое сознаніе своей личной виновности всего тяжелѣе для нашей природы. Оно требуется логикою, — но гордость отказывается подписаться подъ нимъ. «Поговорите мнѣ, проповѣдникъ, объ общемъ состояніи человѣка, разъясните мнѣ какой-нибудь пунктъ догматическаго или нравственнаго ученія, — особенно нравственнаго, — но не обращайтесь прямо къ моей личности и не оскорбляйте ее; уважайте мою совѣсть, остановитесь предъ святилищемъ моей души...» Но, братіе, — если бы мы не обращались прямо къ вашей личности, если бы мы не

старались открыть крѣпко запертую дверь вашего сердца,—мы были бы только «мѣдью звенящею, кимваломъ бряцающимъ».

Всякій истинный проповѣдникъ долженъ именно этотъ-то личный вопросъ и поставить предъ слушателями, не для того только, чтобы самому разъяснить его предъ ними,—но для того, чтобы ихъ самихъ побудить искренно рѣшить его наединѣ съ Богомъ. Наша проповѣдь будетъ дѣйствительно сильна только тогда, когда выслушавшій ее почувствуетъ себя одинокимъ предъ лицомъ Иисуса Христа, подобно грѣшной Иерусалимской женщинѣ, покинутой ея обвинителями. Душе Святой, открой нашъ скрывающійся, прячущійся грѣхъ, освѣти его полнымъ свѣтомъ и, потомъ, порази его прямо въ сердце. Одному скажи: «твоя набожность—только пустая форма, твоя честь, благородство — только обманчивая позолота!» Другому скажи: «ты живешь во лжи, въ жадности, въ несправедливости, въ нечистотѣ!» Душе Святой, — вѣчный Наоанъ, скажи каждому изъ этихъ Давидовъ, успокоившихся въ своей нераскаянности: «этотъ грѣшникъ — ты!»

Мытарь сознаетъ себя лично грѣшникомъ, — но съ какимъ смиреніемъ, скорбью, съ какимъ чувствомъ отвѣтственности, тяготящей на немъ! Евангельскій текстъ изображаетъ это въ слѣдующихъ подробностяхъ: «онъ стоялъ вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо, но, ударя себя въ грудь, говорилъ: Боже! будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику!»—Нашъ вѣкъ знаетъ много страданій; ему нравится иногда показывать и перечислять ихъ, но мнѣ кажется, что онъ не знаетъ одной скорби, — именно скорби о грѣхѣ. Въ наши дни такъ часто отрицали нравственную свободу, такъ много говорили о неотразимомъ влияніи среды, характера, наслѣдственности, что теперь совѣсть не удивляется уже ничему, не возмущается никакимъ преступленіемъ, никакимъ развратомъ, и, повидимому, не мучится никакими угрызениями. Угрызеніе совѣсти (это выраженіе существуетъ на всѣхъ языкахъ человѣческихъ), является мученіемъ души, мстительною стрѣлою, оставшеюся отъ времени нашей первоначальной невинности! Угрызенія совѣсти! Послушайте

какъ о нихъ говорилъ въ дружескихъ бесѣдахъ одинъ недавній скептикъ ¹⁾: «Да, они были у меня, когда я былъ еще романтикомъ и плохо питался. Угрызенія совѣсти — это, знаете, — физическая слабость... Впослѣдствіи я все это измѣнилъ и ввелъ въ свою жизнь пріятную философію, веселость...»

Веселость! Нѣтъ, это неправда, скептикъ! Не у васъ ли также вырвалось на другой дружеской бесѣдѣ слѣдующее признаніе: «самоубійство — естественный конецъ жизни; когда у васъ начнутъ мертвѣть одно за другимъ ваши чувства, вы пожалѣете, что раньше не имѣли достаточно смѣлости для того, чтобы разомъ покончить съ собой». А! вы желали веселья удовольствій, но нашли въ нихъ такое отвращеніе къ жизни, что самоубійство вамъ кажется уже единственнымъ исходомъ!.. Это мститъ совѣсть за то осужденіе, которымъ вы хотѣли ее поразить.

Слава Богу,—мы, воспитанные въ Церкви и Церковью,— не принадлежимъ къ числу такихъ скептиковъ. Но мы все-таки дышемъ воздухомъ нашей эпохи и между нами уже не замѣтно того горячаго, живаго стремленія не оскорблять Бога, вызывавшаго нѣкогда энергическія бесѣды и мощь въ христіанской жизни. Конечно, мы хорошо знаемъ человѣческія скорби,—общее несовершенство и людей и вещей, наши разсѣявшіяся иллюзіи, наши обманутыя надежды, весь блескъ нашей души, исчезнувшій какъ театральныя декораціи и оставившій насъ въ холодномъ мракѣ. У насъ есть еще болѣе законныя печали, какъ, на примѣръ, неизлѣчимая болѣзнь близкаго къ намъ существа, отъѣздъ того, кто уноситъ съ собою лучшую часть насъ самихъ и оставляетъ домъ опустѣлымъ. Но вѣдь кромѣ этого у насъ должна быть и другая скорбь, скорбь о нашей отчужденности отъ Бога, о нашей грѣховности, которая осуждаетъ насъ предъ Нимъ и безчеститъ нашу душу, созданную по образу Его. Увы! Сколько у насъ безумій юности, болѣе холодныхъ преступленій зрѣлаго возраста, укоровъ самой старости,

¹⁾ Сень-Бевъ.

сколько такихъ дѣлъ, которыя мы желали-бы скрыть отъ нашихъ родителей и дѣтей, сколько обидныхъ словъ, которыхъ мы не умѣли во время удержать, сколько скверныхъ мыслей, постыдныхъ чувствъ и низкихъ желаній, которыя иногда поднимались изъ глубины нашего сердца, сколько наконецъ беззаконій, отъ которыхъ мы не краснѣемъ, которыхъ не оплакиваемъ и на которыя смотримъ, какъ на песчинки, тогда какъ они должны-бы давить нашу грудь, какъ горы!

И этотъ главный грѣхъ—удаленіе отъ Бога,—основы нашей жизни,—не вынуждаетъ-ли насъ воскликнуть: — «Боже мой! я получилъ всѣ дары: способности ума, чувства сердца, благополучіе, богатство, и всѣмъ этимъ пользовался только одинъ, цѣлые мѣсяцы и годы, не отдавши Тебѣ ни одного удара своего сердца; я получилъ возможность устроить свой семейный очагъ, но не призвалъ Тебя въ свой домъ, я вкушалъ всѣ радости, но не посвящалъ ихъ Тебѣ, я проливалъ слезы,—но не осушалъ ихъ на Твоей груди! Ты далъ мнѣ заповѣди въ Твоемъ словѣ и въ моей совѣсти, а я нарушилъ ихъ! Я червь земли,—осмѣлился поднять голову противъ Тебя,—возстать мысль противъ мысли, воля противъ воли и, такъ сказать, Богъ противъ Бога...

Боже святыи! мною овладѣла скорбь, смущеніе, мое бѣдствіе подавляетъ меня..., и если вы, можетъ быть, способны остаться равнодушными къ своимъ грѣхамъ, то я не могу этого сдѣлать, я могу только со скорбью воскликнуть. «Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!»

II.

Мытарь не довольствуется личнымъ и скорбнымъ исповѣданіемъ своей грѣховности. Въ его мольбѣ есть нѣчто болѣе трагическое. Онъ не говоритъ:—Боже! извини мой грѣхъ!—Онъ не говоритъ:—Боже! забудь мой грѣхъ!—Онъ не говоритъ даже: — Боже! прости мой грѣхъ! — Онъ молить: — Боже! будь милостивъ, то есть,—Боже! Твой гнѣвъ справедливъ, отврати его отъ меня! И когда онъ испускаетъ этотъ стонъ, мы какъ

будто видимъ, что его взоры съ тоскою обращаются къ жертвеннику, на которомъ въ Иерусалимѣ ежедневно закалался символическій агнецъ.

«Будь милостивъ!»—этотъ вопль я слышу исходящимъ изъ груди всего человѣчества. И языческая и израильская совѣсть бросаетъ этотъ отчаянный зовъ въ глубину небесъ! «Будь милостивъ!» — этотъ вопль поднимается изъ всѣхъ храмовъ, отъ всѣхъ алтарей; вотъ струится кровь жертвъ, и когда я присматриваюсь внимательнѣе къ нимъ... о варварство, о ужасъ!.. я замѣчаю жертвы человѣческія, потому что совѣсть въ своемъ заблужденіи, которое я осмѣлюсь назвать святымъ, — не находитъ ничего болѣе цѣннаго для умилостивленія гнѣва Того, Котораго она оскорбила. Такимъ образомъ весь нашъ родъ эхомъ повторяетъ мольбу мытаря: «Будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику!»

И что-же? Предъ этимъ голодомъ, предъ этою каждою искупленія возстаетъ крестъ Христовъ, который я имѣлъ въ виду съ самаго начала этой бесѣды, но указать на который не хотѣлъ до тѣхъ поръ, пока не выяснилъ вамъ настоящей нужды въ немъ вашей совѣсти. По словамъ Шарля Секретана,— «чувство грѣха есть потребность въ Спасителѣ, и такого Спасителя можно искать только въ исторіи. Дѣйствительно, въ исторіи есть одно незабвенное число, одинъ святой часъ, одно мѣсто,—одновременно и проклинаемое и благословляемое,—гдѣ «Агнецъ непорочный» исполняетъ пророчество міра еврейскаго и языческаго, добровольно отдавая Себя для искупленія грѣховъ всего міра. Въ сегодняшній Святый Пятокъ, на горѣ Голгоѣ, у воротъ Иерусалима, почти девятнадцать вѣковъ тому назадъ, — примиреніе человѣка съ Богомъ, было кровію запечатлѣно на крестѣ. И всѣ, павшіе къ подножію этого креста, съ глубокимъ чувствомъ своего недостойнства, были освобождены отъ тяжести осужденія и возрождены «къ новой жизни». И когда пройдетъ еще девятнадцать вѣковъ отъ этого событія, оно будетъ такъ-же свѣжо, какъ и въ первые вѣка Церкви, такъ-же дѣйствительно, какъ и для современной Церкви. И

если нашей планетѣ суждено существовать до ста вѣковъ, то люди и сорокового и сотаго вѣка понесутъ свои муки, свои слезы, свое отчаяніе также въ Иерусалимъ, на мрачный холмъ, вѣчно обагранный кровію Спасителя, чтобы получить исходящее оттуда прощеніе, чтобы обнять со всею силою ихъ вѣры и любви древо креста. «Всѣ концы земли, всѣ вѣка, всѣ народы, — смотрите на меня и спасайтесь!»

Вотъ историческое, плодотворное дѣло искупленія въ томъ видѣ, въ какомъ оно осуществилось для миллионовъ душъ. И однако крестъ все еще является «позоромъ для Іудеевъ, безуміемъ для Еллиновъ». Для того, чтобы восчувствовать его освободительную силу, нужно побороть въ себѣ двоякую гордость: гордость разума и гордость совѣсти.

Не пытается-ли разумъ постоянно твердить въ насъ: «Къ чему это темное и мистическое ученіе объ искупленіи? Для чего эта необходимость кровавой жертвы, вмѣсто простого и яснаго объявленія о прощеніи Богомъ?»

Конечно, я не берусь разъяснить всю глубину великой тайны креста, но опираясь на заявленіе апостола Павла, «не желавшаго знать ничего, кромѣ Христа, и Христа распятаго», — я въ свою очередь попрошу васъ, — найдите другое средство примиренія виновнаго человѣка съ Богомъ! Найдите его удобнымъ и для Бога и для человѣка!

Для Бога? Неужели вы забыли, что безконечная любовь Его согласуется съ непреложною справедливостью? Какимъ образомъ сдумѣете вы не поставить ихъ въ противорѣчіе между собою? Если-бы Онъ простилъ безъ искупленія, — то оказался-бы Богомъ только «добрыхъ». Его снисходительность, безразличная къ нарушенію данныхъ Имъ Самимъ Законовъ и равнодушная ко злу, — возбудила-бы въ насъ презрѣніе!

Если-бы Онъ только наказывалъ, поражалъ, это было-бы только человѣческое свойство!

Тогда Онъ оказался-бы безъ сожалѣнія, безъ любви, — и мы начали-бы проклинать Его. Между тѣмъ, крестъ уничтожаетъ противорѣчіе и объединяетъ двѣ части проблемы. Дѣй-

ствительно, — это — неизбѣнный знакъ гнѣва Божія на зло. Чтобы оно не осталось безнаказаннымъ, Онъ преслѣдуетъ его и поражаетъ даже въ лицѣ Сына Своего.

Крестъ же является неизбѣннымъ знакомъ и любви Божіей: вмѣсто того чтобы осудить насъ, — Богъ соглашается на добровольную смерть Святого и Праведнаго. О справедливость! О доброта! Вы не приносите въ жертву одна другой и остаетесь неприкосновенными; вы — «облобызались», — по смѣлому выраженію Св. Писанія, — и продолжаете сіять нетлѣннымъ свѣтомъ на Голгофѣ.

Теперь я попрошу васъ найти средство спасенія удобное и для человѣка.

Попробуйте то, чего вы не смѣли предложить Богу, — предложить человѣку, — и вы не сумѣете этого сдѣлать, потому что въ человѣкѣ, какъ и въ Богѣ, существуетъ такъ же настоятельная потребность и въ справедливости и въ милосердіи. Скажите ему просто, что онъ прощенъ, — и онъ откажется вѣрить этому. Онъ скажетъ словами одного писателя, жаждавшего прощенія: «такое спасеніе, въ которомъ сохранялось-бы величіе моего Бога, — далеко отъ меня. Возстановите прежде Святой Законъ Божій, и если вы сможете это сдѣлать, — то потомъ спасете и меня».

И если-бы, въ виду такой невозможности достойнаго примиренія, — Богъ и человѣкъ могли-бы удовольствоваться простымъ соглашеніемъ, — то мое сердце не измѣнилось бы отъ этого. Оно можетъ быть тронуту, взволновано и покорено только такимъ прощеніемъ, которое стоило Богу огромной жертвы Его Сына!

Съ этого времени я уже не принадлежу себѣ, я завоеванъ святымъ насиліемъ любви, которая добровольно за меня приносится въ жертву, — и, въ естественномъ и благородномъ порывѣ сердца, — весь отдаюся Тому, Кто Самъ отдался за меня... Преклонись же, разумъ человѣческой, предъ этимъ крестомъ, который, при всемъ своемъ безуміи, одинъ только могъ разрѣшить великую задачу прощенія и возрожденія человѣчества!

Есть еще иная гордость, отвращающая насъ отъ Голговы: это — гордость совѣсти. Намъ говорить, или если, не смѣютъ говорить, думаютъ про себя: «проповѣдникъ высокаго ученія, вы выставяете насъ болѣе виновными, болѣе грѣшными, чѣмъ мы преступны въ дѣйствительности. Въ концѣ концовъ мы не съумѣемъ уподобить себя этому презрѣнному мытарю, который вѣдь жилъ «грабежомъ и лихоимствомъ». Такъ! Но неужели вы считаете себя лучшими, чѣмъ были апостолы: Петръ, Иоаннъ или Павелъ? Между тѣмъ эти-то люди всего глубже и сознавали свое грѣховное состояніе. Гдѣ вы ихъ видите? У подножія креста Христова, среди «грѣшницъ и злодѣевъ». Затѣмъ я спрошу у васъ: ваши добродѣтели и благодѣянія могутъ-ли доставить вамъ миръ? Покойна-ли ваша совѣсть? Сдѣлали-ли вы все, что могли? Укажите мнѣ одинъ моментъ вашей жизни, которымъ Богъ могъ-бы удовлетвориться? Укажите границу, гдѣ вы могли-бы остановиться съ полнымъ спокойствіемъ и увѣренностію, что вы готовы предстать предъ судилищемъ Вѣчнаго? Нѣтъ, никогда ваши добродѣтели и дѣла, будь они еще болѣе замѣчательны и блестящи, не удовлетворяютъ Того, Кто заповѣдалъ:—Будьте святы, какъ Я—святъ,—и вы никогда не осмѣлитесь представить ихъ Ему въ качествѣ основанія вашего спасенія. Я посѣтилъ многихъ умирающихъ и ни одного изъ нихъ не видѣлъ довольнаго своими добродѣтелями и покойнаго за будущее.

Души чистыя говорили мнѣ о своей порочности и святыхъ— о своей невѣрности. Въ самихъ себѣ онѣ не видѣли не только залога мира, но, наоборотъ, находили только поводъ къ осужденію. И когда я показывалъ имъ крестъ Христовъ, — о,— какъ сильно выражали они взволнованнымъ голосомъ, или только взглядомъ, пожатіемъ руки, — что это — единственное облегченіе ихъ скорби, какъ сильно обнимали онѣ, со всѣмъ пыломъ своей вѣры, это единственное основаніе ихъ примиренія съ Богомъ. Я не могу безъ умиленія вспомнить объ одномъ старцѣ, чистомъ и ясномъ, какъ дитя,—который говорилъ мнѣ: «Крестъ Христовъ, — вотъ мое единственное и сладкое убѣ-

жище!..» И, если намъ, присутствующимъ здѣсь,—придется когданибудь быть захваченными внезапно однимъ изъ тѣхъ печальныхъ случаевъ, которые въ нѣсколько мгновений прерываютъ человѣческое существованіе,—когда мы очутимся предъ лицомъ вѣчности, я увѣренъ, что каждый изъ насъ со скорбью невольно воскликнетъ: «Боже! будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику! Христе Распятый! сжался надо мною!»

Крестъ моего Спасителя! Неужели возможно, чтобы мы оказались на столько горды, легкомысленны и неблагодарны, чтобы могли отказаться отъ тебя, — мы, которые завтра же можемъ умереть? Кресте Христовъ, въ этотъ день, когда ты былъ воздвигнутъ для спасенія міра,—умягни жестокость сердца нашихъ! Кресте Христовъ, возсіяй за святою трапезою, какъ сила Того, Кто унижилъ насъ, чтобы снова возвысить, кто умертвилъ насъ, чтобы снова оживить! И да сподобимся мы приобщиться тѣла и крови Спасителя нашего, чтобы урочевать сегодня болѣзнь нашу и облегчить скорбь!

Жизнь — Христосъ.

(Галат. III, 27; II, 20; Филип. II, 5; I, 21).

Въ томъ посланіи къ Филиппійцамъ, съ которымъ святой Павелъ узникъ обращается изъ Рима къ первой имъ основаной церкви на Западѣ; въ этомъ дивномъ письмѣ, въ которомъ глубина чувства, выразившись въ словѣ, раскрываетъ предъ нами сердце апостола, и даетъ намъ познать всю теплоту и задушевность его отношеній къ паствѣ Филиппійской, можно указать на многія слова, сила значенія которыхъ велика и глубока; но изъ нихъ нѣтъ ни одного болѣе изумительнаго и болѣе чуднаго, нѣтъ ни одного, которое бы вѣрнѣе изображало всецѣло личность святаго Павла, какъ это выраженіе: *Для меня жизнь — Христосъ!* (Филип. I, 21).

Жизнь — Христосъ: чудный, совершенно новый образъ выраженія для изъясненія дивнаго новаго ученіе Евангельскаго! Въ чемъ состоитъ жизнь для святаго Павла? Означаетъ ли это дышать, питаться, заботиться о благосостояніи земномъ и наслажденіи? Означаетъ ли это мыслить, рассуждать, совершенствовать и развивать свои умственные способности? Означаетъ ли это исканіе и жажду богатства, почестей или смѣлую борьбу среди жизни и дѣятельности общественной? Означаетъ ли это довольствоваться тѣснымъ кругомъ семейныхъ привязанностей?... Нѣтъ, вовсе не что либо таковое. Для святаго Павла жизнь заключается... въ чемъ же? Рѣчь не слѣдуетъ болѣе своему обычному теченію, она заканчивается обрывисто

и неожиданно. Мы думали встрѣтить глаголь, то есть (простите мнѣ этотъ грамматическій образъ выраженія) слово, означающее состояніе или дѣйствіе, что нибудь въ такомъ родѣ: жить значить вѣровать; жить означаетъ любить, жить значить дѣйствовать. Но мы ошиблись: *Для меня жизнь — Христосъ*. вмѣсто глагола стоитъ имя, то имя, Которое святой Павелъ произносилъ нѣкогда, пылая ненавистію, и Которое онъ теперь повторяетъ съ восторгомъ любви. *Для меня жизнь — Христосъ*. — До такой степени это имя составляетъ все для апостола, до такой степени святой Павелъ покорилъ себя Тому, въ Кого онъ вѣруетъ, и настолько его душа вся объята Имъ, до такой степени Христосъ, такъ сказать, обитаетъ въ Павлѣ и Павелъ во Христѣ, согласно тому другому не менѣе изумительному его выраженію: *Не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20).

Постараемся понять этотъ дивный образъ выраженія; спросимъ себя, какимъ образомъ Христосъ есть жизнь апостола: затѣмъ выяснимъ, что эта высшая жизнь одна есть истинная жизнь, одна достойна наименованія жизни. Дополнимъ, такимъ образомъ, мысль святаго Павла мыслию святаго Іоанна: *върующій въ Сына Божія имѣетъ жизнь, а не върующій въ Сына не имѣетъ жизни* (Іоан. 3, 36).

Жизнь, это великая, неоспоримо достовѣрная истина, но велика и ея тайна. Мы не имѣемъ притязанія ее анализировать или опредѣлять ея сущность; она не поддается анализу, она выше всякаго изъясненія. Поэтому мы не посредствомъ многотрудныхъ умозаключеній, а чрезъ простыя и очевидныя подобія, постараемся выяснить себѣ это выраженіе святаго Павла: *для меня жизнь — Христосъ*. Въ немъ высказано, во первыхъ, понятіе о томъ, что всецѣло возобладало апостоломъ. Когда человекъ посвящаетъ извѣстному предмету свои мысли, свою любовь, свою дѣятельность, тогда совершенно правильно выражаются, говоря, что этотъ предметъ составляетъ его жизнь. — Посмотрите на этого ученаго, неустанно наблюдающаго извѣстное явленіе: достаточное одной черты «въ богатомъ лонѣ при-

роды», каково строение цвѣтка, движеніе небеснаго свѣтила, дѣятельность органа въ человѣческомъ тѣлѣ, для того, чтобы приковать его вниманіе, но никогда не истощить его любознательность. — Посмотрите на этого философа, котораго все влечетъ къ тѣмъ великимъ задачамъ, которыя онъ стремится рѣшить и который, такъ сказать, живетъ въ области одной чистой мысли. — Посмотрите на этого поэта или художника, носящаго въ себѣ точно очарованный міръ, полный яркихъ образовъ и чудныхъ гармоній, который преобразуетъ въ его глазахъ міръ дѣйствительный. Посмотрите на этого человѣка, принимающаго дѣятельное участіе въ дѣлахъ своей страны, или добровольно посвятившаго себя служенію какому нибудь великому дѣлу: защита этого дѣла, успѣхъ онаго, преодоленіе извѣстнаго препятствія, вотъ чѣмъ всецѣло заняты его мысли, вотъ то, надъ чѣмъ онъ ежедневно трудится, и въ чемъ состоитъ нерѣдко тревожный сонъ его ночей. — Наконецъ, представьте себѣ эту женщину, которая, находясь въ разлукѣ съ своей дочерью, пополняетъ пустоту отсутствія неизсякаемыми изліяніями чувствъ въ той перепискѣ, которая сдѣлается однимъ изъ образцовыхъ произведеній великаго вѣка. Тамъ находятся эти, столь прелестныя слова пламенной любви: «Я чувствовала, говоритъ она, это разстояніе двадцати миль, насъ разлучавшее, какъ чувствуется перемѣна климата». Узнавъ что та, которая ей такъ дорога, страдаетъ болью въ груди, она пишетъ: «у меня въ груди отозвалась боль груди моей дочери». Если она имѣетъ хотя нѣкоторую надежду, что ихъ разлука прекратится, тотчасъ желаетъ «ввергнуть въ эту надежду остатокъ своей жизни».

И вотъ, что для этого ученаго наука, для этого писателя изящная словесность, для этого горячо любящаго сердца эта исключительная привязанность, для этого политическаго дѣятеля защищаемое имъ право, то и для святаго Павла Иисусъ Христосъ. Знать Иисуса Христа и стараться, чтобы и другіе Его познали, наполнить міръ Его священнымъ Именемъ, вотъ то высшее стремленіе, которымъ охвачено все его существо и которое даетъ рѣшающее направленіе его жизни.

Но въ жизни человѣческой есть единство, и то, что дороже всего нашему сердцу, и даетъ намъ именно самыя истинныя радости. Какую радость испытываетъ этотъ ученый, не только когда имъ сдѣлано научное открытіе, но даже когда онъ преслѣдуется, въ теченіе своихъ долгихъ безсонныхъ ночей это рѣшеніе, которое точно бѣжитъ отъ него! Какимъ восторгомъ охваченъ этотъ писатель и художникъ, когда ихъ посѣтитъ вдохновеніе, и они сознаютъ, что «ихъ душа полна поэтическаго восторга!» Какимъ радостнымъ трепетомъ бьется это материнское сердце при полученіи извѣстія отъ той, которая составляетъ предметъ ея горячей любви! Этотъ сановникъ, этотъ труженикъ, ратующій за святое дѣло, какъ онъ испытываетъ высшее счастье при малѣйшемъ успѣхѣ въ своихъ трудахъ, при малѣйшемъ торжествѣ той мысли, которая ему дорога! Что я говорю? Онъ счастливъ, даже еще не получивъ желаемаго, одною тою борьбою, которою онъ за оное ратуетъ; онъ счастливъ ею, какъ воинъ среди шума битвъ, или какъ морякъ среди грозныхъ бурь океана. Такова, или вѣрнѣе сказать, много большая, гораздо болѣе глубокая, радость святаго Павла во Христѣ. Его сердце полно Имъ, его сердце Имъ переполненно, даже среди трудовъ борьбы проповѣдничества, даже среди слезъ, которыми орошено все его служеніе. Эта познанная истина, эта задача рѣшенная, эта созннное помилованіе, эта надежда благъ небесныхъ, эта побѣда, одержанная надъ грѣхомъ, это общеніе съ Тѣмъ, въ Которомъ примиренъ человѣкъ съ Богомъ, небо съ землей, прошедшее и грядущее, — вотъ что составляетъ для святаго Павла источникъ радости «*неизреченной и преславной*» (Ср. 1 Петр. I, 8, 9). Посланіе къ Филиппійцамъ написано въ темницѣ, а между тѣмъ оно дышетъ побѣдоносною радостію. Не пытайтесь вернуть Апостола къ низшимъ утѣшеніямъ здѣшняго міра, онъ не хочетъ, онъ не можетъ быть счастливъ ничѣмъ инымъ, какъ Господомъ. Его любить, Ему повиноваться, вотъ его радость, вотъ его жизнь. Ему повиноваться, сказали мы! Дѣйствительно, то, что для насъ дороже всего, что составляетъ радость нашей жизни, стано-

При семъ номерѣ прилагается: Домбрь. Голось
сердца, листъ 1-й.

Съ этимъ № разсылается приложение отъ Со-
вѣта Правленія, состоящаго подъ Августѣйшимъ по-
кровительствомъ Ея Императорскаго Величества Госу-
дарыни Императрицы Марии Ѳеодоровны, общества для
борьбы съ проказою въ С.-Петербургской губерніи.
